

Новое исследование, посвященное истории нелегальной церковной жизни в Советском Союзе*

За последние 20 лет в изучении истории Русской Православной Церкви в XX в. были достигнуты существенные успехи, однако некоторые важные темы по-прежнему оставались белым пятном. К одной из них — истории нелегальной церковной жизни, или так называемого катакомбного движения — и обратился молодой талантливый исследователь Алексей Львович Беглов. Избранная им тема, несомненно, имеет не только научное, но и практическое значение. Перед российской государственностью по-прежнему стоит задача выработки своей модели церковной политики, поэтому особый интерес представляет история взаимоотношений Церкви и государства в XX в. Важно не повторить ошибок предшествующих десятилетий и использовать накопленный опыт. Практически весь период существования СССР в стране действовало церковное подполье, история которого еще недавно сопровождалась всевозможными легендами и слухами. Актуальность избранной теме придает и существование российских «катакомб» в настоящее время.

Книга А. Л. Беглова состоит из 2 частей, разделенных хронологически: советское государство и церковное подполье в 1920–1930-х гг. и в 1943–1953 гг. Удачным представляется решение принять общину в качестве основной единицы описания нелегальных групп верующих. В результате многолетней исследовательской работы Беглову удалось написать аналитическую обобщающую монографию, раскрывающую важнейшие аспекты взаимоотношений государственных органов с нелегальной сферой церковной жизни и процессов, происходивших в церковном подполье, их результаты и последствия.

Выводы, к которым пришел автор, сформулированы на основе широкого круга научной литературы и источников, архивных материалов, монографий отечественных, эмигрантских и зарубежных историков, церковных изданий,

* Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, Арефа, 2008. 352 с.

законодательных актов, опубликованных документов органов государственного управления, ВКП(б)—КПСС, статистических данных и периодической печати. Основной же источниковой базой послужили материалы 5 личных архивов, содержащих документы по истории тайных общин, а также 2 государственных архивов Москвы. При этом был проведен серьезный научный анализ различных групп документов государственных и партийных органов: НКВД, Совета по делам Русской Православной Церкви, ЦК ВКП(б). Введение в научный оборот ранее не использованных архивных документов и определяет в значительной степени научную новизну книги.

Особую научную значимость имеют разделы работы, посвященные изменению границы легальности во взаимоотношениях советского государства и Церкви, тактике легального епископата и церковной жизни в условиях подполья. Автор впервые проследил эволюцию государственного подхода к границе легальности церковных структур и сформулировал вполне справедливый вывод, что изменение этой границы было важным элементом государственной религиозной политики, а церковное подполье во многом явилось результатом этих действий. В 1-й главе привлекает внимание подробное исследование тайного учебного процесса в Московской Духовной академии и нелегальной церковной благотворительности в 1920–1930-х гг. Автор рассматривает также нелегальные приходские и монашеские общины, подпольную благотворительную и хозяйственную деятельность, паломничества к неофициальным святыням.

Во 2-й главе показана легализация благотворительной, хозяйственной и другой деятельности Московской Патриархии, в связи с чем убедительно звучит вывод о том, что легализация церковного подполья сыграла значительную роль в возрождении церковной жизни середины 1940-х гг. При этом впервые была проанализирована тактика церковного епископата по использованию подполья в своих целях. Беглов верно отметил переход государственных органов к новой кампании гонений с конца 1948 г. на тайные общины. Автор внимательно изучил и процессы изменения церковной жизни в условиях нелегального существования, что позволило сделать важный и обоснованный вывод о формировании в середине 1940-х гг. в подполье новой религиозной субкультуры.

Завершает монографию эпилог, посвященный истории основных тенденций развития церковного подполья в СССР в 1950–1980-х гг. Несмотря на ограниченный объем эпилога, в нем намечены пути исследования этого явления в завершающий период его истории, что может стать основой для новой монографии. Книгу удачно дополняет публикация 19 архивных документов и таблиц, перечень источников, библиография и указатели. Следует также отметить публикацию большого количества фотографий, многие из которых были ранее неизвестны историкам.

К сожалению, автор не использует некоторые известные работы эмигрантов, принимавших активное участие в подпольной церковной жизни: книги протоиерея Димитрия Константинова «Гонимая Церковь», «Через туннель XX столетия» и др., капитальный труд И. Андреева-Андреевского «Russia's

Catacomb Saints», фактически не привлекались и работы иностранных авторов Густафсона и Флетчера. Отсутствует литература о существовавших в Ленинграде в 1920–1930-х гг. нелегальных братствах, религиозно-философских обществах и монашеских общинах (исследования В. В. Антонова, М. В. Шкаровского (Александро-Невское братство: 1918–1932. СПб., 2004), А. А. Бовкало, игумена Варсонофия (Веревкина) и др.).

Некоторые рекомендации можно дать и в отношении расширения источниковой базы. В работе мало использованы архивно-следственные дела членов подпольных общин. Между тем такие дела являются очень важным, хотя и специфическим источником для изучения избранной темы. В ряде регионов традиционного распространения «катакомбников» (Воронежская и Липецкая области) они переданы из архивов ФСБ в государственные и находятся в свободном доступе. В целом собранный архивный материал распределен неравномерно. Большая его часть использована в главе 2, в то время как глава 1 написана на основании ограниченного и несколько одностороннего круга источников. Все 5 упомянутых личных архивов содержат материалы тайных общин Московской Патриархии, документы же различных оппозиционных течений представлены в меньшей степени, можно было бы использовать и епархиальные архивы.

Эта особенность источниковой базы повлияла и на содержание работы. В главе 1 мало говорится о церковной оппозиции, составлявшей в 1920-х — начале 1930-х гг. значительную часть подполья. Эта тема частично освещена в главе 2, что, вероятно, не вполне оправдано в хронологическом плане. При этом и во 2-й главе фактически не говорится о существовавших в подполье общинах «андреевской», «даниловской», «кирилловской» традиций, а также некоторых других, например течения «непоминающих». Также не сообщается о существовании института тайных епископов и феномене лжеепископов, в частности деятельности Серафима Поздеева. Нет сведений о неоднозначной фигуре, пожалуй, самого активного деятеля церковного подполья 1920-х гг. св. Михаиле Новоселове.

Не вполне верным представляется вывод автора о проведении в 1943–1948 гг. государственными органами линии лишь на легализацию церковного подполья. Это была только одна сторона двуединого процесса: легализация тайных общин Московского Патриархата и одновременно максимально возможный разгром оппозиционных общин, заведомо не желавших легализовываться, о чем свидетельствует большое количество архивно-следственных дел истинно-православных христиан (ИПХ) этого периода. Различие между двумя указанными типами общин уже в годы войны четко проводили не только органы власти, но и многие архиереи Московского Патриархата, относившиеся положительно далеко не ко всем формам церковного подполья. Не до конца выясненным осталось изменение количества членов подполья в 1943–1953 гг., оно отнюдь не всегда сокращалось. Некоторые присутствующие в монографии сюжеты, как представляется, требуют большего освещения: легализация духовного образования Московского Патриархата в середине 1940-х гг., генезис понятия «катакомбная церковь» и его соотнесение с тер-

мином «церковное подполье», контакты легального епископата с тайными общинами.

Также спорным представляется утверждение Беглова об искусственности разделения движений ИПХ и Истинно-православной церкви (ИПЦ). Подобный вывод можно сделать лишь относительно послевоенного периода, когда эти движения фактически слились в рамках формирования новой «катакомбной субкультуры». Но почти 20 лет, с 1920-х гг., различия между ИПХ и ИПЦ, имевшими разное происхождение, были достаточно велики, начиная с признания главой Церкви митрополита Петра (Полянского) и заканчивая разной степенью антисоветского эсхатологизма. В этой связи можно отметить и имевшее место в конце 1920-х — начале 1930-х гг. разное отношение этих движений к легальной деятельности. В этот период руководители иосифлян (т. е. представители ИПЦ) митрополит Иосиф (Петровых), архиепископ Димитрий (Любимов), епископ Сергей (Дружинин) неоднократно указывали своим сторонникам соблюдать все требования советских властей и отвергали предложения переводить общины на нелегальное положение. Несколько приходов ИПЦ просуществовало в виде легальной оппозиции до изменения курса религиозной политики в 1943 г., вскоре после этого большинство выживших к тому времени священников ИПЦ перешли в Московский Патриархат. Лишь небольшая часть иосифлян являлись представителями неконформистской модели, они и влились в «катакомбную субкультуру». Однако все эти вопросы являются предметом дискуссии.

Указанные частные замечания не меняют общей высокой оценки монографии. Труд А. Л. Беглова представляет собой ценный вклад в научное изучение сложной и трагичной истории Русской Православной Церкви в XX в. Он также важен для сохранения памяти о новомучениках советского периода.

*М. В. Шкаровский, доктор исторических наук
(Центральный государственный архив Санкт-Петербурга)*